
АНИТА ТАЛАЯ
ОДНА НА ВСЕХ -2
Монашка на планете штрафников
18+

Анита Талая

Одна на всех - 2. Монашка на планете штрафников

https://litres.ru/74900917
SelfPub; 2026

Аннотация

Эстер все детство провела в закрытой женской Академии при монастыре. Когда ей исполнилось восемнадцать, она должна была вернуться домой и принять наследство отца. Но по сфабрикованному обвинению в преступлении ее арестовали и выслали на практически незаселенную планету. Тут живут лишь семь штрафников. Красивых, молодых и горячих.

Книга входит в серию "Одна на всех", но является самостоятельным произведением.

Действие происходит на планете Негно, с обитателями которой вы уже могли встречаться в книге "Белоснежка и семь Негномов".

Очень горячо и откровенно.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 11
Глава 3 18
Глава 4 26
Глава 5 31
Глава 6 37
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Анита Талая
Одна на всех - 2. Монашка на планете штрафников

Глава 1

Когда тюремный корабль пробил облачный слой Негно, я увидела не мертвую планету.

Я увидела джунгли.

Они тянулись до самого горизонта, густые, темные, бесконечные. Издалека лес казался ровным зеленым океаном, но, когда корабль пошел ниже, я различила исполинские кроны, переплетенные лианы, широкие листья с прожилками цвета меди и белый туман, стелющийся между деревьями.

Среди джунглей торчали черные каменные вершины.

Некоторые были природными скалами. Другие, как я быстро поняла, оставались от городов, погибших после ядерной войны. На нескольких километрах от нас поднимались обломки башен, разломанные пополам и поглощенные растительностью. Лес забрал их себе. Лианы обвили бетон. Корни пробили стены. На крышах давно исчезнувших домов росли деревья.

Негно выглядела живой.

Слишком живой.

Я смотрела в иллюминатор, забыв о цепях на запястьях.

Над кронами пролетела стая огромных птиц. У них были длинные костяные гребни, кожистые крылья и ярко-красные полосы на темных телах. Они летели медленно, почти бесшумно, а потом одна из птиц повернула голову к кораблю.

Я увидела ее желтый глаз.

Она была больше транспортного шаттла.

— Это ратины, — сказал голос охранника за моей спиной. — Не высовывайся, если увидишь их близко.

Я обернулась.

Охранник стоял у двери камеры в серой броне. Его шлем был снят, и я видела усталое лицо человека, который слишком часто летал на Негно.

— Они опасные?

— Здесь все опасное.

Он снова посмотрел в окно.

— Потому сюда никого не пускают.

На Негно не было населения.

Ни городов, ни поселений, ни мирных колонистов, ни торговцев, ни ученых с семьями. После войны Альянс очистил планету от наиболее опасных радиоактивных зон, установил орбитальный карантин и закрыл все маршруты.

Официально Негно считалась территорией первичного восстановления.

Неофициально ее называли запретной планетой.

Слишком много старого оружия могло лежать под землей. Слишком много зараженных районов скрывались под лесом. Слишком много животных изменилось за поколения, прошедшие после войны.

Альянс не хотел рисковать гражданскими.

Поэтому на Негно жили только семь мужчин-штрафников.

Семь заключенных, которых отправили обслуживать терраформирующую станцию, картографировать радиационные зоны, устанавливать климатические маяки и готовить планету к далекому будущему. Когда-нибудь, через десятилетия, сюда должны были прийти первые поселенцы.

Но пока Негно принадлежала джунглям.

И этим семерым мужчинам.

Теперь — еще и мне.

Корабль резко накренился.

Я схватилась за край скамьи.

Под нами раскрылась небольшая поляна, вырубленная среди леса. На ней стояла станция: несколько приземистых металлических модулей, прозрачные переходы, посадочная платформа и высокий стержень атмосферного стабилизатора. Вокруг комплекса тянулась ограда под напряжением.

За ней начиналась стена джунглей.

Настоящая стена.

Деревья поднимались на сотни метров. Их стволы были широкими, как башни. Между верхними ветвями клубился

зеленоватый туман. Что-то огромное двигалось в листве, ломая ветки.

Я не хотела знать, что именно.

— Приготовиться к высадке, — объявил корабельный голос. — Заключенная 7-42-19, сохранять положение до команды конвоя.

Я закрыла глаза.

«Не бойся», сказала бы наставница Агнесса.

Но я боялась.

Боялась джунглей. Боялась мужчин, которых никогда не видела. Боялась новой жизни, если ее вообще можно было так назвать. Боялась, что Сабина добилась своего и теперь я исчезну из мира, будто меня никогда не существовало.

Мне было восемнадцать лет.

Я только вернулась с закрытой женской академии при монастыре Святой Матери Света. Одиннадцать лет я жила в белых коридорах, читала книги, выращивала лекарственные травы под куполом, училась быть тихой, доброй и благодарной.

Через три дня после возвращения на Элион меня арестовали.

Меня обвинили в передаче военных координат пиратам.

Якобы с помощью моего биометрического ключа был вскрыт архив транспортного ведомства. Якобы я передала маршрут дипломатического судна преступной группировке «Красный Предел». Корабль уничтожили в секторе Вард.

На борту были представители четырех планет, врачи и дети после эвакуации из карантинной зоны.

Погибли сто двадцать восемь человек.

На суде показали данные, которые невозможно было опровергнуть: запись с моим лицом, мой ключ, мой личный идентификатор, переводы на подставные счета.

Я повторяла, что не виновна.

Никто не слушал.

А моя мачеха, леди Сабина Далмер, сидела в первом ряду в черном платье. Она держала платок у губ и выглядела так, будто страдает сильнее всех.

Мой отец, Рейнар Далмер, умер, когда мне было семь. Он оставил мне почти все: доли в судостроительных верфях, патенты на атмосферные фильтры, земельные права на Элионе и контрольный голос в семейном фонде.

До моего совершеннолетия имуществом распоряжалась Сабина.

Когда мне исполнилось восемнадцать, она должна была вернуть его мне.

Но через несколько дней меня заковали в наручники.

А затем приговорили к восстановительному заключению на Негно.

Я знала, кто сделал это.

Не могла доказать.

Но знала.

Корабль опустился на платформу. Металл под ногами за-

дрожал. За толстыми стеклами иллюминаторов взметнулись листья и пыльца, похожая на золотую пыль.

Дверь камеры открылась.

— На выход.

Двое охранников повели меня по трапу.

Жара накрыла меня сразу.

Воздух был влажным, тяжелым и пах чем-то сладким, гнилым и цветочным. В нем звенели тысячи невидимых насекомых. Где-то далеко раздался низкий протяжный крик. Не звериный. Почти человеческий.

Я остановилась.

Один из охранников толкнул меня между лопаток.

— Не стой.

Я пошла.

За оградой шевельнулась листва.

Из нее медленно показалась длинная темная шея. Существо было выше ограды. Его голова напоминала голову ящера, но по бокам шеи росли перья цвета темной меди. Оно смотрело на меня несколько секунд, потом издало низкий рокочущий звук.

Охранник поднял оружие.

Существо исчезло среди деревьев так бесшумно, что я не сразу поверила, что видела его.

— Это был... динозавр? — вырвалось у меня.

Охранник усмехнулся.

— Архозавр. Не называй их динозаврами при биологах.

— Здесь есть биологи?

— Нет.

Он сказал это так, будто биологи были одной из тех роскошных вещей, которые Негно не заслуживала.

Меня провели к главному модулю.

Внутри станции было тесно, прохладно и шумно. По стенам тянулись кабели, на экранах мигали карты биосферы, показатели радиации, влажности и температуры. В одном окне я увидела надпись:

**ПРОГРАММА ВОССТАНОВЛЕНИЯ НЕГНО
СЕКТОР 03
ДОПУСК ТОЛЬКО ПО УРОВНЮ АЛЬЯНСА**

За столом сидел мужчина в форме коменданта.

Глава 2

Комендант, похоже, был главным не только на этой базе, но и на всей Негно.

Его звали Ларнат Восс. Крепкий мужчина лет сорока, среднего роста, с коротко остриженными темными волосами, в которых уже пробивалась седина. Лицо у него было обветренным, жестким, словно местный влажный ветер годами шлифовал его черты. Взгляд - внимательный и проницательный - не задерживался на мне долго, но я все равно чувствовала себя так, будто он видит гораздо больше, чем написано в моем деле.

Он сидел за широким металлическим столом в тесном административном модуле. За его спиной на стенах светились карты Негно: зеленые пятна джунглей, красные зоны остаточной радиации, синие линии уже установленных терраформирующих маяков. На одной из схем мигала надпись: «Сектор 03. Доступ ограничен».

Я стояла перед столом, сцепив пальцы так крепко, что ногти впивались в ладони.

Восс пролистнул несколько страниц на экране, не поднимая глаз.

— Эстер Далмер. Восемнадцать лет. Осуждена за государственное преступление. Срок заключения - неопределенный, с возможностью пересмотра после выполнения норма-

тивов восстановительной программы.

Неопределенный срок.

Эти слова прозвучали спокойно, почти деловито. Будто речь шла о погоде или количестве топлива на складе.

У меня пересохло во рту.

Я знала, что меня отправляют на Негно не на неделю и не на месяц. Я понимала, что терраформирование не бывает быстрым. Но до этой минуты во мне все еще жила нелепая, детская надежда: может быть, через год дело пересмотрят; может быть, найдутся ошибки в материалах суда; может быть, кто-то на Элионе заметит, что доказательства против меня слишком удобны для Сабины.

Теперь эта надежда сжалась и стала почти невидимой.

Неопределенный срок означал, что Альянс не обещал мне ничего.

Ни возвращения домой.

Ни справедливости.

Ни даже права знать, сколько еще рассветов я проведу под чужим небом.

— Здесь живут семеро мужчин-штрафников, - продолжил Восс. - Они работают на станции от двух до девяти лет. На Негно нет постоянного гарнизона, гражданского персонала и возможности оборудовать отдельный женский блок.

Я кивнула.

Мне хотелось спросить, почему тогда меня вообще отправили сюда. Почему из тысяч тюрем и восстановительных

станций Альянса выбрали именно эту планету, закрытую для населения, окруженную джунглями, полными неизвестных животных.

Но я и так знала ответ.

Потому что сюда не приезжают журналисты.

Потому что отсюда трудно отправить письмо.

Потому что люди вроде Сабины Далмер не платят за то, чтобы я сидела в удобной камере на Элионе и имела право на встречи с адвокатом.

Она хотела, чтобы я исчезла.

Восс отложил планшет и впервые посмотрел на меня прямо.

— Вам выделена индивидуальная комната. Дверь блокируется изнутри. Вне жилого модуля вы всегда находитесь в рабочей группе. Территорию станции запрещено покидать без специального разрешения. При пересечении внешнего периметра срабатывает автоматическая система защиты.

— Какая система? — спросила я прежде, чем успела остановиться.

— Импульсные барьеры, сигнальные дроны и огневые установки.

Я почувствовала, как холод пробежал по спине.

— Они стреляют в заключенных?

— Они стреляют в угрозы, - ровно ответил Восс. - Система не различает причины, по которым человек оказался за периметром.

Я опустила взгляд.

На запястьях еще оставались бледные следы от транспортных фиксаторов. В академии мне никогда не приходилось носить ничего тяжелее корзины с травами или стопки книг. Даже наказания там были тихими: лишний час в молитвенной комнате, запрет на прогулку в купольном саду, дополнительная работа в библиотеке.

Моя жизнь была устроена так, чтобы я не сталкивалась с грубостью мира.

И вот теперь я стояла на Негно, на далекой планете, где за изгородью ждали джунгли, а внутри станции - семеро мужчин, осужденных за преступления, о которых я пока знала только сухие строки в документах.

— А если кто-то из них... - начала я.

Слова застряли в горле.

Я не смогла договорить.

Мне было стыдно за этот страх, но я не могла его прогнать.

Всю жизнь меня окружали женщины. Наставницы в строгих светлых одеждах, послушницы, ученицы, пожилые смотрительницы сада. Мужчины в академии были почти мифическими существами из редких визитов: священнослужители, чиновники, отцы некоторых девушек. Они появлялись ненадолго, говорили с настоятельницей и уходили, оставляя за собой запах дорогой ткани, лекарств или чужого мира.

Отец был единственным мужчиной, рядом с которым я чувствовала себя в безопасности. Но он умер так давно, что

память о нем жила во мне не как воспоминание, а как теплый свет в старом медальоне.

После его смерти мужчины существовали для меня на расстоянии: на учебных изображениях, в исторических хрониках, в официальных сводках. На экранах зала суда, где следователь холодным голосом перечислял мои мнимые преступления.

В тюрьме предварительного заключения я впервые оказалась среди мужчин. Охранники не трогали меня без необходимости, но я замечала их взгляды. Быстрые, оценивающие, иногда равнодушные, иногда слишком долгие. Я вздрагивала от каждого приказа, от тяжелых шагов за дверью, от грубого мужского смеха, доносившегося из коридора.

А здесь их будет всего семь. Семь мужчин и я. Маленькая станция посреди диких джунглей. Никаких соседей. Никакой полиции. Никакой монахини Агнессы, которая могла бы положить ладонь мне на плечо и сказать, что я в безопасности.

Я не знала, как разговаривать с мужчинами. Не знала, когда их слова означают угрозу, а когда простую грубость. Не знала, можно ли смотреть им в глаза или лучше держать взгляд опущенным. Не знала, как защитить себя, если правила перестанут работать.

Восс наконец ответил:

— Если кто-то из них причинит вам вред, его срок станет бессрочным, без права на пересмотр.

Я заставила себя поднять голову.

— И это все?

На мгновение в его лице мелькнуло что-то похожее на сожаление.

— Это правило, которое я могу гарантировать.

Это не было обещанием защиты. Не было обещанием, что со мной ничего не случится. Это была всего лишь строчка в регламенте. Наказание после того, как вред уже нанесен. Справедливость, которая приходит слишком поздно, чтобы действительно защитить.

Я подумала о суде. О том, как судья объявил приговор, не глядя на меня. О том, как Сабина опустила голову, изображая скорбь. О том, как легко правила и законы превращались в оружие, если нужный человек держал их в руках.

— Завтра вас распределят в рабочую группу старшего смены, Ардена Кайра, - продолжил Восс. - Он отвечает за полевые работы и выходы за внешний периметр.

На его экране появился профиль: темные волосы, серые глаза, шрам, пересекающий левую щеку.

Он смотрел в объектив без улыбки, и мне показалось, что даже фотография не смогла скрыть его раздражение или усталость. Под портретом шел список служебных отметок, медицинских допусков, рабочих квалификаций.

А затем я увидела строку с приговором.

Арден Кайр.

Преступление: вооруженный мятеж против администрации колонии Тарис.

Статус: пожизненное восстановительное заключение.

Мне стало холодно, хотя в модуле было душно.

Вооруженный мятеж.

Я представила оружие в его руках, сирены, крики, людей, бегущих по улицам чужой колонии. Я попыталась отогнать эти мысли, напомнить себе, что не имею права судить человека только по одной строке в деле.

Но страх не слушал доводов.

Он всегда быстрее разума.

— Он опасен? — тихо спросила я.

Восс посмотрел на экран, затем на меня.

— Он соблюдает правила станции.

Это был не ответ.

Именно поэтому он напугал меня сильнее.

Глава 3

Моя комната удивила меня.

Я ожидала увидеть камеру: узкую койку, металлический стол, тусклый свет и холодные стены. Что-то похожее на отсек, в котором меня перевозили с Элиона.

Но дверь открылась, и я остановилась на пороге.

Комната была просторной по меркам станции. Здесь стояла широкая двуспальная кровать с чистым бельем, высокий шкаф, письменный стол и два кресла у небольшого круглого столика. В углу тихо работал климатический блок, наполняя помещение прохладным воздухом.

Самым неожиданным было окно.

Большое, панорамное, во всю дальнюю стену.

За ним расстилалась освещенная площадка перед модулем. Небольшой газон покрывала мягкая зеленая трава, а вдоль дорожки росли незнакомые яркие цветы: алые, синие, золотистые. Их лепестки были крупными и плотными, словно вырезанными из тонкого воска.

За цветами начинались джунгли.

Темные, влажные, живые.

Даже через бронированное стекло я видела, как между деревьями колышется туман. В лианах мелькали быстрые тени. Высоко над кронами пролетела крупная птица с длинным хвостом, и ее яркие крылья на миг вспыхнули в солнечном

свете.

Это было красиво.

И от этой красоты становилось еще тревожнее.

Все в Негно казалось таким: живым, прекрасным и способным убить.

Особенно меня обрадовал отдельный санузел. В академии у каждой из нас была маленькая душевая кабина, а горячую воду включали по расписанию. Здесь же я обнаружила настоящую ванну - глубокую, с гладкими светлыми стенками и панелью регулировки температуры.

Я провела пальцами по ее краю.

Почти как дома.

У нас в доме на Элионе была большая ванная с окнами на сад. Когда я была маленькой, отец иногда разрешал мне долго сидеть в теплой воде, пока он читал в соседней комнате рабочие документы. Я помнила его голос, шелест страниц и то особенное чувство покоя, которое бывает только тогда, когда знаешь: рядом есть человек, который не даст миру причинить тебе вред.

Горло сжалось.

Я отвернулась от ванны, пока не заплакала. Плакать здесь мне не хотелось. Мне вообще не хотелось показывать кому-либо, насколько я напугана.

Я положила вещевой мешок на кровать. В нем были форма, белье, простые средства гигиены, рабочие перчатки и несколько необходимых вещей. Все остальное у меня забра-

ли еще в тюрьме.

Мне разрешили оставить только медальон отца. Я достала его осторожно, будто он был хрупким. Медальон был маленьким, овальным, из старого серебристого металла. На внешней стороне сохранилась гравировка: стилизованная звезда над волнами.

Я нажала на скрытую защелку. Внутри появилась старая голография. Я сидела у отца на плечах, совсем маленькая, с растрепанными светлыми волосами. Он смеялся, придерживая меня за ноги. На заднем плане сияла вода внутреннего моря Элиона.

Я не помнила этот день. Не помнила, что он говорил, не помнила, была ли вода теплой, не помнила даже, что чувствовала тогда. Но всякий раз, когда я смотрела на голограмму, мне казалось, что я слышу его голос.

«Не позволяй никому решать, кто ты».

Тогда я не понимала этих слов. Мне казалось, что взрослые и существуют для того, чтобы решать: когда ложиться спать, что учить, что надевать, кому доверять, кем быть.

Теперь я понимала. Сабина решила, что я преступница. Суд решил, что я виновна. Альянс решил, что мое место на Негно. Но это не означало, что они знают меня лучше, чем я сама.

Я закрыла медальон и спрятала его под одежду.

В дверь постучали. Я вздрогнула так сильно, что цепочка ударилась о ключицу.

Никто не должен был прийти так скоро. Я еще не успела распаковать вещи. Не успела привыкнуть к комнате. Не успела хотя бы на несколько минут представить, что нахожусь здесь одна.

Стук повторился. Три коротких удара. Я быстро вытерла ладонью уголки глаз.

— Войдите.

Дверь открылась. На пороге стоял Арден Кайр. Он оказался выше, чем на фотографии. Настолько выше, что мне пришлось слегка запрокинуть голову. Его плечи почти заполняли дверной проем. На нем была темная рабочая форма с закатанными рукавами, тяжелые ботинки покрывала засохшая грязь, а на предплечье виднелся старый светлый шрам.

Шрам на его лице делал выражение жестче, чем оно, возможно, было на самом деле.

Но больше всего меня поразили его глаза. Серые. Не холодные, как я представляла, а очень усталые. Такие глаза бывают у людей, которые давно не ждут хороших новостей.

Он не вошел в комнату. Остался на пороге, будто намеренно оставлял между нами расстояние. Я заметила это и не знала, что чувствовать: облегчение или неловкость от того, что он, вероятно, понял мой страх сразу.

— Комендант сказал провести инструктаж, - произнес он.

Его голос был низким, спокойным. Не грубым. Но от одного только мужского голоса в тесной комнате у меня снова напряглись плечи.

— Я Эстер, - сказала я.

Это прозвучало слишком тихо.

— Я знаю.

— Вам известно мое дело?

Он чуть склонил голову.

— Всем известно.

Я сжала пальцы за спиной. Конечно, всем. Они видели новости. Видели записи. Наверное, уже решили, что я богатая девочка с Элиона, которая предала людей ради денег. Или сумасшедшая. Или опасная.

Мне хотелось сказать, что я невиновна. Хотелось рассказать ему про академию, про отца, про Сабину, про страх, который не отпускал меня с первого дня ареста.

Но я не могла доверить это незнакомому мужчине, осужденному за вооруженный мятеж.

— И вы считаете, что я виновна? — спросила я.

Кайр посмотрел мне прямо в глаза. Я едва не отвела взгляд.

В академии нас учили не бояться взгляда собеседника. Наставница Агнесса говорила, что честному человеку не нужно прятать глаза.

Но рядом с Кайром это оказалось трудно. Не потому, что он смотрел на меня угрожающе. Наоборот, его взгляд был слишком внимательным, слишком спокойным. Он словно ждал, что я сама решу, выдержу ли этот разговор.

— Я считаю, что на Негно твое дело не поможет тебе пе-

режить ночь, - ответил он.

Я растерялась. Это было не обвинение. Но и не поддержка. Просто факт.

— Подъем в пять, - продолжил Кайр. - Завтрак в пять тридцать. Работа начинается в шесть. Ты будешь в моей группе на западном участке.

— Что там?

— Маяки.

— Какие маяки?

— Терраформирующие. Они меняют состав воздуха над лесом, отслеживают радиационные выбросы, распыляют микробы для очистки почвы. Иногда их сбивают птицы. Иногда ломают звери. Иногда они просто исчезают.

— Исчезают? — переспросила я.

Кайр помолчал.

— Негно не любит, когда в нее втыкают железо.

Я подумала, что он шутит. Но он не улыбнулся.

За панорамным окном вдалеке качнулись верхушки деревьев. Сначала медленно, будто от ветра. Потом резко. Несколько ярких птиц сорвались с ветвей и исчезли за кронами.

Я невольно сделала шаг к окну.

— Это животные? — спросила я.

— Возможно.

Я повернулась к нему.

— Возможно?

— Здесь иногда лучше не знать точно.

Он говорил так спокойно, что мне стало по-настоящему страшно.

Кайр заметил это. Его взгляд на секунду смягчился.

— Снаружи, за пределами купола, не снимай маску. Не подходи к воде. Не трогай растения без сканера. Не отставай от группы. И никогда не выходи ночью.

— Почему?

Он посмотрел в сторону окна.

— Потому что ночные хищники не боятся ограждений.

Я сглотнула.

Мне хотелось спросить, достаточно ли крепкий купол у станции. Хотелось спросить, были ли нападения. Хотелось спросить, смогу ли я позвать на помощь, если ночью услышу что-то за окном.

Но я не спросила. Я не хотела, чтобы он видел, насколько сильно меня пугает все вокруг.

— Я поняла, — сказала я.

Арден кивнул. Он уже развернулся к двери, когда я неожиданно для самой себя произнесла:

— Господин Кайр.

Он остановился.

— Да?

Я не знала, что хотела сказать. Что мне страшно. Что я не умею жить среди мужчин. Что мне не к кому обратиться. Что я не виновна.

Все это было слишком много для одного короткого разговора. Поэтому я сказала только:

— Спасибо за инструкции.

Он медленно посмотрел на меня через плечо.

— Это не инструкции, Эстер. Это способ остаться живой.

После этого он вышел. Дверь закрылась, а я снова осталась одна.

За стеклом медленно темнело небо Негно. Джунгли становились почти черными. В глубине леса раздался долгий, низкий крик, от которого по коже пробежали мурашки.

Я подошла к двери и проверила внутренний замок. Один раз. Потом второй. Потом еще раз.

Лишь убедившись, что дверь действительно заперта, я вернулась к кровати, села и прижала ладонь к медальону под одеждой. Мне хотелось вернуться домой. Но дома больше не было.

А значит, мне предстояло научиться жить здесь. Среди джунглей. Среди чудовищ. Среди семерых мужчин, которых я боялась почти так же сильно, как темноты за панорамным окном.

Глава 4

Немного успокоившись, я набрала ванну. Сбросив одежду, я с тихим вздохом погрузилась в горячую воду, густо покрытую шапкой пены. На полке обнаружился флакон с цветочным экстрактом. Неужели кто-то из этих суровых мужчин пользовался им? От этой мысли по коже пробежала странная, щекочущая дрожь. Я отогнала непотребные образы, позволив горячей неге расслабить затекшие мышцы и смыть дорожную усталость.

Мой хрупкий покой прервал резкий, настойчивый стук в дверь. Игнорировать его было невозможно. Со вздохом я встала, чувствуя, как прохладный воздух касается разгоряченной кожи, и плотно обернула вокруг тела огромное махровое полотенце. Капли воды стекали по ключицам, прячась в ложбинке груди.

За дверью стоял незнакомый мне светловолосый парень. Увидев меня — босую, с голыми коленками, влажными прядями волос, прилипшими к обнаженным плечам, и в одном лишь полотенце, которое предательски подчеркивало изгиб бедер, — он шумно сглотнул. Его кадык дернулся, а взгляд застыл, словно он столкнулся с неразрешимой задачей.

Я смотрела на него вопросительно, инстинктивно плотнее кутаясь в ткань, смущенная его прямым, почти осязаемым вниманием. В монастыре мужчины были лишь далеки-

ми, абстрактными фигурами из проповедей о грехопадении, а здесь... здесь от него пахло кожей, хвоей и чем-то дурманяще-мужским.

Осознав, что пауза неприлично затянулась, парень прокашлялся.

— Э-э... вся команда ждет вас в гостиной, — его голос прозвучал сипло, с хрипотцой. — Это на первом этаже, у входа. Он так и не поднял глаз на мое лицо. Его взгляд был намертво прикован к моим ногам и влажному подолу полотенца.

— Благодарю, — тихо ответила я, чувствуя, как предательски горят щеки. — Мне нужно десять минут, чтобы привести себя в порядок.

Закрыв дверь, я прислонилась к ней спиной, ощущая, как бешено колотится сердце. Достав единственное свое платье — простое, льняное, с глухим воротом, — я поспешно оделась. Но влажная кожа то и дело заставляла ткань липнуть к телу, очерчивая груди и талию так, что я чувствовала себя совершенно обнаженной. Расчесав тяжелые, еще сырые волосы, я сделала глубокий вдох и направилась вниз.

Гостиная встретила меня гулом низких голосов, запахом крепкого кофе, кожи и древесного дыма. Но стоило мне переступить порог, как разговоры стихли. Тишина в комнате стала такой густой, что ее можно было потрогать. Семь пар глаз одновременно устремились на меня. От этого коллективного, тяжелого, изучающего взгляда у меня подкосились

колени. Я почувствовала себя хрупкой птицей, попавшей в логово хищников.

— Подойди, дитя, не бойся, — раздался глубокий, вибрирующий в самой груди голос.

В центре комнаты, в массивном кожаном кресле, сидел Ларнат Восс. Командир и комендант базы. Ему было около сорока, и его красота была суровой, мужественной, словно высеченной из гранита. Широкие плечи, волевой подбородок, темные волосы с благородной проседью на висках. Его глаза смотрели на меня с властной, но обволакивающей теплотой. Рядом с ним стоял уже знакомый мне Арден Кайр. Он ободряюще кивнул, но даже его привычный взгляд теперь казался иным — более горячим, скользящим по моей фигуре с нескрываемым мужским интересом.

— Это Светан, тот самый гонец, — Ларнат начал представлять мне команду, указав на светловолосого парня из коридора. Тот стоял у камина, и его уши все еще пылали пунцовым цветом. Рядом с ним расположился Эльберг — второй «малыш» команды. Им обоим было не больше двадцати пяти. Эльберг, в отличие от смущенного Светана, смотрел на меня с открытой, почти мальчишеской, но оттого не менее чувственной улыбкой, лениво растянувшись на подлокотнике дивана. Его расстегнутая на пару пуговиц рубашка обнажала загорелую, крепкую грудь.

Но чем дольше я стояла, тем сильнее кружилась голова от осознания того, сколько здесь *мужчин*. Все они были пора-

зительно красивы — разные, но неизменно притягательные, излучающие грубую, первобытную силу.

В тени, прислонившись к стене, стоял Устан. Молчаливый гигант с невероятно широкими плечами и густой щетиной. Он не сказал ни слова, но его темный, немигающий взгляд скользнул по моей шее, заставив меня инстинктивно сглотнуть и почувствовать, как по спине стекает горячая капля пота.

— А я Арнил, — мурлыкнул голос слева. Мужчина с хитроватым прищуром и хищной грацией пантеры подался вперед. В его глазах плясали чертенята, а взгляд, казалось, с легкостью проникал под ткань моего скромного платья. Он смотрел на меня так, словно я была изысканным десертом, который ему не терпелось попробовать.

И, наконец, Иркрит. Он сидел на краю стола, и когда я робко перевела на него взгляд, медленно, почти неприлично улыбнулся. Его губы приоткрылись, и я с замиранием сердца увидела блеск металла — в языке у него был пирсинг в виде штанги. Иркрит неторопливо провел кончиком языка по нижней губе, и этот жест, такой откровенный, такой порочный, вызвал у меня волну жара, ударившего прямо в низ живота. В монастыре за такие мысли полагалась епитимья, но здесь, в этой комнате, я не могла думать ни о чем, кроме этого серебряного блеска и того, каков этот язык на ощупь.

— Добро пожаловать на базу, Эстер, — снова произнес Ларнат, и его голос вырвал меня из пучины смущения. —

Здесь ты в безопасности. И среди своих.

Я опустила ресницы, не в силах больше выдерживать это напряжение. Воздух в гостиной казался наэлектризованным, густым от тестостерона и скрытого желания. Я, воспитанная в строгих стенах обители, привыкшая к холоду камня и запаху ладана, сейчас стояла в самом эпицентре мужской силы. И к своему ужасу и тайному, пугающему восторгу, я чувствовала, как мое тело, пробуждаясь от долгого сна, трепещет и отзывается на их присутствие каждой своей клеточкой.

Осознав, что мои ноги меня уже не держат, я устало опустилась в первое же попавшееся кресло.

Глава 5

В ближайшее глубокое кожаное кресло я рухнула тяжело, даже не успев испугаться тому, как подкосились мои колени. Напряжение, державшее меня на ногах все это время, внезапно оборвалось, словно перетертая нить. Голова закружилась, перед глазами поплыли темные круги, а дыхание стало частым и поверхностным.

Пространство вокруг меня тут же вскипело. Суровые, еще секунду назад казавшиеся неприступными мужчины, мгновенно превратились в стаю встревоженных хищников, чьей главной целью вдруг стало мое благополучие. Они кинулись ко мне, нарушая все мыслимые границы личного пространства.

— Эй, малышка, ты в порядке? — Арнил оказался ближе всех, его хитроватые глаза теперь светились неподдельной тревогой. Он протянул мне хрустальный стакан с янтарной жидкостью. — Глотни, это хороший коньяк, согреет и снимет спазм.

— Ты что, спятил, Арнил? Ей нельзя алкоголь! — возмутился Светан, отталкивая его локтем и суетливо протягивая мне запотевший графин с водой. — Пей, Эстер, маленькими глотками. Может, вызвать медика? Ой, то есть... Устан!

Я пораженно моргала, пытаясь сфокусировать взгляд. В монастыре редкие гости-мужчины вели себя отстраненно,

соблюдая строгую дистанцию, предписанную уставом. Да и в принципе проявлять тепло и заботу там было не принято. Я привыкла к холоду, к тому, что моя слабость вызывает лишь строгие наставления о смирении плоти. Но здесь... здесь от этих огромных, пугающе красивых мужчин исходила такая мощная, искренняя и почти осязаемая волна заботы, что у меня на глаза навернулись слезы.

— Расступитесь. Дайте ей воздух, — низкий, вибрирующий бас Устана заставил мужчин мгновенно подчиниться. Основательный, широкоплечий гигант мягко, но непреклонно отодвинул Ардена и Эльберга в стороны. Он опустился перед моим креслом на одно колено, оказавшись со мной на одном уровне. Его огромная, горячая ладонь, покрытая жесткими мозолями, осторожно, но властно накрыла мою хрупкую руку, лежащую на подлокотнике. От этого прикосновения по моей коже пробежала электрическая искра, заставив сердце пропустить удар.

— Я Устан, — произнес он, и его голос звучал как убаюкивающий рокот океана. — Я врач. Здоровье этой команды — моя зона ответственности. Так что теперь ты тоже под моим присмотром, Эстер.

Я смотрела на него, а затем перевела взгляд на остальных. Арден, Ларнат, Иркрит... Все они выглядели безупречно. Никаких признаков усталости или болезней. Их тела были налиты грубой, первобытной силой, кожа сияла здоровьем, а в глазах горел яркий, неугасимый огонь жизни.

Если это результат его работы, — с благоговением подумала я, — *то этот человек не просто врач, он настоящий чудотворец.*

— Посмотри на меня, — мягко приказал Устан. Я подняла ресницы и утонула в его глубоких, почти черных глазах. Его взгляд был сосредоточенным, изучающим, но в нем читалось нечто большее, чем просто клинический интерес. Он медленно поднял свободную руку и кончиками пальцев коснулся моего запястья, нащупывая пульс. Его кожа была обжигающе горячей, а прикосновение — невероятно нежным для таких больших рук. Мой пульс тут же участился, предавая мое волнение, и уголок его губ дрогнул в едва заметной, понимающей усмешке.

Затем его пальцы скользнули выше, к моей шее. Он нащупывал сонную артерию, и его шершавые подушечки медленно, почти ласково скользили по нежной, чувствительной коже под моим ухом. Я невольно зажмурилась, а по телу разлилась тяжелая, сладкая истома. В монастыре нас учили, что прикосновения — это грех, но сейчас, когда его большая ладонь осторожно обхватила мою шею, а большой палец погладил выступающую ключицу, я не чувствовала ничего, кроме острого, пульсирующего желания, чтобы он не убирал руку. Воздух в комнате стал густым и горячим. Я слышала, как тяжело дышат остальные мужчины, наблюдая за этим интимным, почти эротичным осмотром.

Устан медленно раздвинул мои влажные, тяжелые волосы,

отводя их от лица. Его пальцы прошлись по моим вискам, слегка массируя кожу, снимая спазм. Каждый его жест был пропитан скрытой чувственностью. Он оглядывал мои кожные покровы, отмечая румянец на щеках и влажный блеск губ, и его взгляд темнел с каждой секундой. Казалось, он видит меня насквозь, снимая с меня не только одежду, но и все мои страхи, все монастырские запреты, оставляя лишь трепещущую, живую женщину. Между моими бедрами вспыхнул жаркий, стыдный огонь, заставив меня судорожно сжать колени под льняной тканью платья.

Наконец, он убрал руку, и я тут же почувствовала мучительную нехватку его тепла.

— Зрачки в норме, кожные покровы чистые, но тургор снижен. Тахикардия на фоне истощения, — спокойно констатировал он, но в его голосе прорезались жесткие, командирские нотки. Он повернул голову к Ларнату. — Командир, когда она в последний раз ела?

Ларнат нахмурился, его властное лицо выразило легкое смущение.

— В дороге, видимо. Мы не успели обсудить...

— Не успели обсудить? — Устан медленно поднялся во весь свой исполинский рост, и его тень накрыла нас обоих. — Ларнат, ты совсем потерял хватку? Вместо того чтобы прибывшую, измотанную до полусмерти девушку начинать грузить уставами и вводить в курс дела, ты должен был сперва ее просто покормить! Она не твой новый боец, она – девчонка,

и непонятно, на чем еще держится!

Ларнат, этот суровый, несокрушимый комендант, лишь виновато кивнул, принимая выговор без пререканий.

— Ты прав, Устан. Моя ошибка. Эльберг, Светан, бегом в пищеблок! Арден, проводи Эстер.

Меня бережно подняли с кресла. Арден подхватил меня под локоть, поддерживая так, словно я была сделана из тончайшего фарфора. Вся команда, словно свита, охраняющая свою королеву, дружно повела меня в пищеблок. Просторное, сияющее хромом и чистотой помещение встретило нас тихим гулом техники.

Эльберг тут же кинулся к синтезатору пищи — огромному агрегату, занимающему половину стены. — Что будем брать? Мясо? Рагу? — крикнул он через плечо.

— Только не тяжелое! — тут же вмешался Устан, властно вставая у панели управления. — Ее желудок отвык от грубой пищи. Заказывай легкий, наваристый бульон с корнеплодами, паровое суфле из птицы и теплый травяной настой с медом. И быстро.

Пока синтезатор тихо жужжал, создавая кулинарные шедевры из молекулярных блоков, мужчины расселись вокруг большого стола. Иркрит, играя серебряной штангой в языке, смотрел на меня с нескрываемым обожанием, а Арнил подпер подбородок рукой, его хитрые глаза смягчились до невероятной нежности.

Когда передо мной появилась дымящаяся тарелка с вос-

хитительно пахнущим бульоном, я взяла ложку и сделала первый глоток. Тепло разлилось по истерзанному телу, возвращая силы и ясность ума. Я подняла глаза и увидела, как все семеро смотрят на меня. В их взглядах не было похоти или хищного голода — только безграничная, трогательная забота и тихая радость от того, что мне становится лучше.

Я, девочка, выросшая в холодных кельях, привыкшая есть в молчании, никогда в жизни не была избалована таким вниманием. Комок подступил к горлу, и одна горячая слеза, предательски сорвавшись с ресницы, упала прямо в тарелку. Я была в самом сердце суровой мужской крепости, но впервые за всю свою жизнь я чувствовала такую заботу.

Глава 6

Когда последняя капля травяного настоя была допита, а тарелки убраны, напряжение в пищеблоке не рассеялось, а лишь трансформировалось во что-то более густое, тягучее и опасное.

— Ей нужно отдохнуть, но не в одиночестве, — тихо произнес Арден, и в его голосе прозвучала нотка, которую я не смогла расшифровать. — Каминный зал. Там мягче свет и удобнее кресла.

Меня повели в просторное помещение, утопающее в сумраке и освещаемое лишь пляшущими языками пламени в огромном каменном камине. Меня усадили в центр гигантского, полукруглого дивана, обитого темным бархатом. И тут началось то, от чего у меня, воспитанницы строгой обители, начинала кружиться голова и сладко ныть низ живота.

Мужчины не просто расположились вокруг. Они начали кружить надо мной, словно стая великолепных, хищных зверей вокруг единственной, драгоценной добычи. Воздух наполнился ароматами: терпким запахом кожи, дымом, хвоей и едва уловимыми, дурманящими нотками мужского парфюма.

Первыми кинулись самые молодые. Эльберг, грациозный и гибкий, словно молодой леопард, опустился на ковер прямо у моих ног. Он принес небольшую серебряную шкатулку

и, приоткрыв ее, достал засахаренную ягоду местного терновника.

— Попробуй, Эстер, — его голос был мягким, с хрипотцой. Он протянул мне ягоду, но когда я наклонилась, чтобы взять ее, он не отпустил. Его пальцы коснулись моих губ, а затем он медленно, почти неприлично медленно, облизнул собственные, не сводя с меня потемневших глаз. — Сладко?

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова, чувствуя, как от его взгляда горят щеки.

— Отойди, Эльберг, ты ее смущаешь, — буркнул Светан, устраиваясь рядом со мной на диване.

Он набросил мне на плечи тяжелый, мягкий плед из меха снежного барса. Его руки задержались на моих плечах дольше, чем того требовала забота. Его пальцы, горячие и крепкие, начали медленно разминать затекшие мышцы у основания моей шеи. От этого прикосновения по позвоночнику пробежала дрожь, и я невольно подалась назад, чувствуя, как мое плечо прижимается к его твердой груди.

— Оставь ее в покое, щенок, — лениво протянул Арнил. Он занял место с другой стороны, буквально втискиваясь в мое личное пространство. Его глаза блестели в отблесках камина. Он взял мою ладонь, якобы чтобы рассмотреть тонкие шрамы, полученные во время монастырских работ, но его большой палец начал чертить медленные, сводящие с ума круги на внутренней стороне моего запястья, там, где была тонкая кожа и бешено бьющийся пульс.

— У Эстер нежные руки. Им нужен уход, а не ваши грубые лапы.

Его голос был похож на бархат, обволакивающий и гипнотизирующий. Он наклонился так близко, что я чувствовала тепло его дыхания на своей щеке.

Но настоящим испытанием для моей, и без того шаткой, добродетели стал Иркрит. Он не стал садиться. Он навис надо мной, опираясь руками на спинку дивана по обе стороны от моей головы. Я оказалась в ловушке его широкой груди и рук.

— Ты вся дрожишь, малышка, — промурлыкал он, и его лицо приблизилось к моему. Он улыбнулся, и в свете огня блеснула серебряная штанга в его языке. Я завороженно смотрела на этот кусочек металла, и в моем сознании, к моему абсолютному ужасу, вспыхнула яркая, порочная картина: как этот горячий, влажный язык, отягощенный холодным металлом, скользит по моей коже, спускаясь все ниже... Иркрит, словно прочитав мои грешные мысли, медленно провел кончиком языка по своей нижней губе. Я судорожно втянула воздух, и мои бедра непроизвольно сжались.

— Сердцебиение учащено. Дыхание поверхностное, — низкий бас Устана заставил Иркрита недовольно отстраниться. Гигант-врач встал передо мной на колени, раздвигая мои колени своими мощными плечами. Его огромные, теплые ладони легли мне на талию поверх льняного платья. —

Нужно проверить, не спазмированы ли мышцы живота

после стресса, — невозмутимо сообщил он, но его глаза, темные и бездонные, смотрели на меня с такой обжигающей интенсивностью, что я поняла: никакой это не медицинский осмотр. Его большие пальцы начали медленно, с нажимом, массировать мой живот через тонкую ткань, и каждый его жест посылал волны жара прямо в пах.

Вокруг меня кипела негласная, но ожесточенная война. Арнил сжимал мою ладонь, Светан зарывался носом в мои влажные волосы, вдыхая их запах, Эльберг гладил мою щиколотку, а Устан владел моим дыханием. Они перебрасывались колкостями, их взгляды скрещивались, как клинки. Каждый жаждал моего внимания, моего вздоха, моего взгляда. Я была центром их вселенной, и эта власть, эта всепоглощающая мужская страсть, направленная на меня одну, опьяняла сильнее любого вина. И пугала одновременно.

И только один человек не участвовал в этой своре.

Ларнат Восс сидел в глубоком кожаном кресле напротив, в тени, вне круга огня. В его руке медленно вращался бокал с янтарным напитком. Он не говорил ни слова, не пытался перехватить инициативу. Ему это было не нужно. Он смотрел на меня тяжелым, собственническим взглядом альфа-хищника, который знает, что стая может играть с добычей, но право первого и последнего укуса принадлежит только ему. Его молчание было громче любых слов, а его взгляд... его взгляд был словно физическое прикосновение, скользящее по моей фигуре, раздевающее, присваивающее.

— Достаточно, — наконец произнес Ларнат. Его голос не был громким, но он ударил по комнате, как хлыст. Мужчины мгновенно замерли. Иркрит медленно выпрямился, Арнил неохотно выпустил мою руку, Устан убрал ладони, хотя его пальцы в последний раз сжали мою талию с собственнической силой.

Ларнат поднялся и неспешно подошел к дивану. Толпа мужчин расступилась перед ним безропотно. Он встал прямо передо мной, его высокая, могучая фигура заслонила свет камина. Он протянул руку и кончиками пальцев коснулся моего подбородка, заставляя поднять на него глаза. Его кожа была шершавой, горячей, а запах — одурманивающим смесью дорогих специй и мужской силы.

— Вы ее загоняете, — тихо сказал он, но обращался он не к команде. Его большой палец медленно провел по моей нижней губе, оттягивая ее вниз. — Она не привыкла к такому. Ей нужно время, чтобы понять, кому из вас она позволит коснуться себя по-настоящему.

Он наклонился, и его губы оказались в опасной близости от моего уха. Я почувствовала, как его горячее дыхание обжигает мою мочку.

— Но не забывай, Эстер, — прошептал он так, что услышала только я, и от этого шепота у меня подогнулись колени, — что на этой базе командую я. И когда ты будешь готова... ты придешь ко мне первому.

Он выпрямился, окинул свою команду властным взглядом

и кивнул в сторону выхода.

— А теперь всем спать. Завтра у нас тяжелый день.

Мужчины неохотно начали расходиться, бросая на меня полные обещаний, голодные взгляды. А я осталась сидеть на диване, прижимая к груди меховой плед, с бешено колотящимся сердцем и пылающей кожей, понимая, что мой монастырский обет целомудрия только что рассыпался в прах, и завтрашний день принесет мне искушения, перед которыми будет невозможно устоять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.